

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Т. Г. Шатула на тему «Проблема формирования личности в утопическом дискурсе», представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры

Работа Т. Г. Шатула актуальна, как в теоретическом, так и практическом отношении. XX век оставил в наследство настоящему столетию кризисный контекст восприятия и понимания экономики, политики, социальной и духовной жизни человека. Глобальное предкризисное состояние мирового сообщества заставляет науку, культуру, общественное сознание обратиться к поиску эпицентра кризисных процессов. Уже как общее место звучит тезис, что первоисточником этих процессов является сам человек, некоторые фундаментальные его черты, не позволяющие перевести развитие общества, социальных и воспитательных практик на рациональный путь и получать заранее планируемые позитивные результаты. Тем не менее, попытки программирования социального развития представляют собой значимый феномен в истории европейской философской и научной мысли, художественной культуры. Свой вклад в осмысление рационально-проективного направления реформации индивида и общества, к которому относятся и социальные утопии, вносит и автор рассматриваемой работы, выполненной на стыке философии и культурологии. Актуальность сочинения диссертантки определяется тем, что работ теоретического, философского плана, которые служили бы надежным ориентиром футуристически заряженных социальных и персонцентрических практик в современной отечественной литературе крайне недостаточно.

Замысел и свойственный работе Т. Г. Шатула её внутренний пафос видятся мне следующим образом. Идеи совершенного общества, которые представлены европейскими утопиями начиная с Т. Мора, большей частью социоцентричны. Социоцентризм формировался поэтапно, весомый вклад внесло в этот процесс европейское Просвещение. Однако в качестве отчетливо методологического принципа общественознания он формулируется лишь И.

Кантом. Просвещенческая идея воспитания трансформировалась у него в идею самовоспитания и самосовершенствования человечества и получила конкретизацию в идее всемирно-гражданского состояния, как особой социокультурной системы, призванной устранить обнаруженные историческим развитием человечества препятствия к самосовершенствованию и полному выявлению моральности в человеке.

На вопрос о движущем факторе совершенствования человека – является ли им индивид, социальные организмы или человечество в целом – ответ Канта однозначен: лишь человечество в его всемирно-гражданском состоянии является субъектом прогрессивного развития. Тем самым Кант на два столетия вперед задает парадигмальное представление, от которого не могло отойти большинство творцов социальной философии, будь то Гегель, Сен-Симон, Маркс или Конт. Всем им свойствен в методологическом и содержательном смысле *социоцентризм*. Индивид в социально-культурном эволюционизме Канта – исчезающе малая величина. Весь корпус текстов свидетельствует о неверии Канта в моральный или религиозный энтузиазм частных лиц, поскольку субъектом самовоспитания является у него целое, человеческий род.

Европейские утопии также предельно социоцентричны. Наличие совершенного общества автоматически предполагает совершенство населяющих его индивидов, которое неизвестно откуда берётся. Как раз именно с этим положением диссертант не согласен, что и приводит к формулировке проблемы исследования: «расхождение между желаемым образом будущего и отсутствием средств анализа формирования личности в рамках этого будущего» (с. 15). Таким образом, пафос рассматриваемой работы явно персонологический: диссертанта совершенно не устраивает отсутствие во многих утопиях и программах технологий и методов созидания человека, если не совершенного, то культурно и эстетически развитого, в моральном смысле хорошего.

В процессе поиска положительного решения заявленной проблемы диссертант получила целый ряд позитивных результатов, которые хочется сразу перечислить.

Вводится новый для отечественного читателя обширный материал по утопизму, прежде всего, из англоязычной научной литературы, которую автор работы хорошо знает и широко использует.

Т. Г. Шатула демонстрирует впечатляющую эрудицию и своеобразный, авторский стиль. При большом объеме привлечённого материала не злоупотребляет цитированием, а излагает его свободно, в оценочном ключе.

Расширенные выводы по параграфам не механически повторяют изложенное, а содержат более высокий уровень обобщения, облегчающий понимание приведенного материала и аргументации, что свидетельствует о необходимой научной квалификации.

Диссертационное сочинение, подготовленное Т. Г. Шатула, состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

В первой главе «Утопия как элемент социального сознания» последовательно рассматриваются зарождение утопического сознания, христианский аспект утопического сознания, наконец, секуляризация утопического мышления. Автор справедливо относит ретроспективную оценку некоторых древнегреческих социально-политических построений к утопической традиции, хотя бы потому, что Платон всегда привлекал внимание утопистов эпохи Возрождения и Нового времени. В первом параграфе вводятся важнейшие в контексте работы понятия счастья и совершенства (с. 23-24). В целом античный материал излагается квалифицированно, со знанием дела. Большое внимание уделяется греческой пайде́е как аристократическому варианту воспитания гражданина.

Во втором параграфе – «Христианско-утопическая перспектива в динамике социально-исторических процессов Нового времени» – важнейшим моментом является подробное описание иезуитской колонии в Парагвае,

объединявшей до ста сорока тысяч индейцев-аборигенов (с. 48-55). Отсутствие частной собственности в поселениях-редукциях свидетельствует о несомненной принадлежности иезуитского эксперимента к утопической традиции, подкрепленной христианскими догматами и богослужебной практикой. Мгновенный распад редукций с уходом иезуитов автор связывает с недолжными практиками абсолютного послушания, покорности подопечных отцам-иезуитам, подавляющим индивидуальное и личностное начало. Справедливо подчёркивается недопустимость и непродуктивность всеобщего механического послушания паствы даже во имя, казалось бы, благородных целей счастья и блага управляемых. Данный опыт автор считает специфичным лишь для Южной Америки как континента «материализованной утопии», в отличие от литературных, фантазийных утопий европейского континента.

Последний параграф первой главы посвящён прогрессирующей секуляризации утопического дискурса, начиная с эпохи Реформации и утверждения протестантизма и до XX столетия. Делается это вполне компетентно, со знанием дела. Особый интерес вызывает сочинение «Христианополис» И. В. Андрэе (1619), содержащее попытку реализации сциентистски ориентированного протестантского братства (с. 71-76). Наконец, по XX веку встречаем неожиданный для читателя проект обоснования христианско-гуманистической реформации Германии, разрабатываемый в предвоенные годы и в период Второй мировой войны группой интеллектуалов во главе с Х. Д. фон Мольтке в его поместье Крайзау. Помимо этого для характеристики современного состояния утопизма автором привлекаются к рассмотрению репрезентативные фигуры нетрадиционного западного богословия: П. Тиллих, Д. Бонхёффер, Р. Бультман, Х. Кокс, Г. Марсель и др.

Вторая глава «Утопическое мышление как специфический способ формирования личности», по логике работы, является основной. Здесь в первую очередь раскрываются два аспекта. Прежде всего, более рефлексивно, развёрнуто излагается основная теоретическая посылка как основание анализа утопических проектов: «человек совершенный – человек счастливый» (с.

104-106, 128-130). А также представлена многообразная панорама утопических и квазиутопических идей, проектов и практик XIX – XX столетий. Во втором параграфе главы привлекает внимание уникальный опыт совмещений двух выделенных автором типов утопий в практическом эксперименте известного «социалиста-утописта» Р. Оуэна (с.134-132). А также анализ педагогических идей авторитарно консолидированного американского общества «Онеида», основанного на апокалиптически трактуемом христианстве. Наконец в третьем, последнем параграфе главы прослеживается радикальная трансформация утопизма в XX веке, вводится целый ряд появившихся новых понятий для отображения футуристического вектора мышления современного человека: практопия (Э. Тоффлер), антиутопия, полиутопия и др. Можно согласиться с автором, что на статус утопии по ее содержательной составляющей может претендовать лишь экоутопия, предлагающая созидание специфического, гуманизированного устройства человеческих поселений.

Заключая анализ диссертации, отмечу, что выносимые диссертантом на защиту положения аргументированно обоснованы в тексте исследования, представляются также обоснованными элементы новизны, заявленные автором работы.

В качестве замечаний можно высказать следующее.

1. Отдельные понятия используются автором как самоочевидные, однако, на наш взгляд, они требуют дополнительной рефлексии. Так, в первом параграфе работы рассматривается важнейшее для всей конструкции диссертации понятие счастья, и диссертант останавливается на так называемом «объективном» его понимании, разработанном Аристотелем и заключающемся в обладании полнотой благ, в первую очередь набором необходимых этических добродетелей. Однако в дальнейшем в работе диссертанта используется также восходящее к Демокриту его субъективное и характерное для Нового времени представление о счастье, сводящееся к внутренней удовлетворённости жизнью, независимо от обладания его внешними и внутренними (добродетели) источниками. Удачную его формулу дал польский философ

В. Татаркевич: «полное и длительное удовлетворение жизнью в целом». Понятие счастья оказывается, таким образом, «недоопределённым».

2. Автор вводит своего рода неологизмы, говоря о двух модусах человека в утопиях – «человек совершенный» и «человек счастливый», поскольку смысл не совпадает с общеупотребительным их значением. Первый тип коррелирует, в авторской терминологии, с *эватическим* подходом к анализу утопий, направленным на анализ совершенствования средовых условий жизнедеятельности человека и прояснению программы достижения максимально приближенного к идеальному государственно-политического строя. Второй, *антропологический*, подход акцентирует «особенности личного мировосприятия и внутреннего изменения человека». При этом эватический подход соотносится автором с концепцией человека совершенного, а антропологический – с концепцией человека счастливого. Поскольку понятия взяты по разным основаниям, получается, что совершенство человека тождественно совершенству внешней среды его жизнедеятельности. С таким выводом согласиться трудно. На наш взгляд, диада «человек совершенный – человек счастливый» в исследовательском плане весьма продуктивна, но нуждается в дополнительной рефлексии и согласовании со всем понятийным аппаратом диссертации.

3. В процессе исследования трактовка утопизма в диссертации получает в отдельных разделах диссертации неоправданное расширение. Особенно это касается XX столетия. Например, вряд ли северо-американскую программу «Артудейл» правомерно относить к утопизму, поскольку это специализированный образовательный проект, который начала осуществлять в 1934 году администрация Франклина Рузвельта. Он основывался на философских и педагогических позициях, разработанных американским философом-инструменталистом Джоном Дьюи, курировался Элизабет Рузвельт, да и самим американским президентом. В общем, государственная американская программа. В ней сложно обнаружить что-то очевидно утопическое, недостижимое.

Высказанные замечания не отменяют общей положительной оценки диссертации, автор которой заявил себя сложившимся исследователем, способным работать с научной литературой и научными фактами, и сумевшим найти собственную доказательную позицию при рассмотрении весьма сложной проблемы, часто вызывающей острые дискуссии.

Основные положения диссертации освещены в одиннадцати научных публикациях. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Исследование Т. Г. Шатула «Проблема формирования личности в утопическом дискурсе» представляет собой самостоятельную научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития культурологии и философии: обоснование программ социализации и инкультурации новых поколений, не подавляющих, а, наоборот, сберегающих и развивающих гражданский и творческий потенциал индивидов.

Рассматриваемая диссертационная работа соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к кандидатским диссертациям, а ее автор Шатула-Тамара Германовна заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

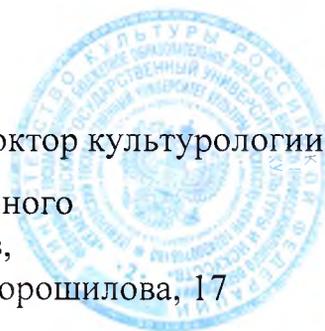
05.02.2015 г.

Доктор культурологии, профессор
кафедры культурологии ФГБОУ ВПО
«Кемеровский государственный
университет культуры и искусств»

Г. Н. Миненко

Геннадий Николаевич Миненко, доктор культурологии, профессор

Адрес: Кемеровского государственного
университета культуры и искусств,
650029, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17
тел./факс (3842)73-28-08
e-mail: priemnaya@kemguki.ru

Приемная ректора КемГУКИ

подпись *Г.Н. Миненко*

заверяю "05" 02 2015 г.

Секретарь *А.В. Швабова*